

УЎК (УДК, UDC): 821.161.1(091)-4
DOI:10.36078/1565767504

БИОГРАФИЧЕСКИЙ КОНТЕКСТ ТВОРЧЕСТВА ПИСАТЕЛЕЙ-ЭМИГРАНТОВ НАЧАЛА XX ВЕКА

Надежда Сергеевна СТЕПАНОВА
доктор филологических наук, доцент
Юго-Западный государственный университет
Курск, Российская Федерация

Наталья Михайловна ПЕТРУХИНА
доктор филологических наук, доцент
Узбекский государственный университет мировых
языков
Ташкент, Узбекистан

Аннотация

Статья посвящена изучению проблемы источниковедческого статуса литературно-художественного наследия на материале автобиографических повествований писателей-эмигрантов первой волны («Жизнь Арсеньева» И. А. Бунина, «Путешествие Глеба» Б. К. Зайцева, «Другие берега» В. В. Набокова, «Времена» М. А. Осоргина, «Богомолье» и «Лето Господне» И. С. Шмелева), которые стали творческим итогом осознания «пути жизни» — сложной и противоречивой судьбы поколения. Цель и задачи исследования — рассмотрение духовно-нравственных проблем и жанрово-стилевых особенностей автобиографической прозы; определение положения русской эмигрантской литературы первой волны в контексте русской и мировой литературы XX века.

Ключевые слова: автобиографическая проза; первая волна русской эмиграции; жанр; воспоминания; память.

XX АСР БОШЛАРИДАГИ МУХОЖИР ЁЗУВЧИЛАР ИЖОДИНИНГ БИОГРАФИК КОНТЕКСТИ

Надежда Сергеевна СТЕПАНОВА
Филология фанлари доктори, доцент
Жанубий-Ғарбий давлат университети
Курск, Россия Федерацияси

Наталья Михайловна ПЕТРУХИНА

Филология фанлари доктори, доцент
Тошкент, Ўзбекистон

Аннотация

Мақолада биринчи тўлқин рус эмигрант-ёзувчиларининг автобиографик асарлари материаллари асосида (И. А. Буниннинг "Арсеневнинг ҳаёти", Б. К. Зайцевнинг "Глебнинг саёҳати", В. В. Набоковнинг "Ўзга қирғоқлар", М. А. Осоргиннинг "Замон", И. С. Шмелевнинг "Зиёрат" ва "Раббийнинг ёзи") адабий-бадиий мероснинг манбашунослик мақоми муаммолари ўрганилган. Тадқиқотнинг мақсад ва вазифалари — автобиографик насрнинг маънавий-ахлоқий муаммолари ва жанрий-услубий хусусиятларини кўриб чиқиш, XX аср рус ва жаҳон адабиёти контекстида биринчи тўлқин рус эмигрант-ёзувчиларининг адабиётдаги ўрнини белгилашдир.

Калит сўзлар: автобиографик наср; биринчи тўлқин рус эмигрантлари; жанр; эсдаликлар; хотира.

**BIOGRAPHIC CONTEXT OF CREATIVITY
EMIGRANT WRITERS OF THE BEGINNING OF THE XX CENTURY**

Nadezhda Sergeevna STEPANOVA

Doctor of Philology, Associate Professor
South-West State University
Kursk, Russian Federation

Natalya Mikhailovna PETRUHINA

Doctor of Philology, Associate Professor
Uzbekistan State World Languages University
Tashkent, Uzbekistan

Abstract

The article studies the problem of source study of the status of the literary heritage on the material of autobiographical narratives of writers-emigrants of the first wave ("The Life of Arseniev" by I. Bunin, "The Journey of Gleb" by B. K. Zaytsev, "The Other shore" by V. Nabokov, "The Times" by M. A. Osorgin, "Pilgrimage" and "The year of the Lord" by I. S. Shmelev) who became the creative result of awareness "Way of life" is a complex and contradictory destiny of the generation. The purpose and objectives of the study — the consideration of spiritual and moral problems and genre-style features of autobiographical prose; Russian émigré literature of the first wave in the context of Russian and world literature of the XX century.

Keywords: autobiographical prose; the first wave of Russian emigration; genre; memories; memory.

Общемировая смена культурной парадигмы «оказала влияние на эволюцию позиции <...> гуманитарной науки в отношении источниковедческого статуса литературно-художественного наследия» (8, 17), актуализировав вопрос о том, может ли литературно-художественное наследие выступать в качестве источника исторической и культурологической информации; вопрос о нравственном потенциале литературной классики не дискутируется.

Из всего корпуса суждений на этот счет, рассмотрение и оценка которого находятся за пределами нашего исследования, предложим в качестве рабочих постулатов следующие: художественная литература имеет ценность «как источник, отражающий ментальность своего времени» (И. Паперно); литература имеет свойство «слышать музыку» происходящих перемен, интуитивно улавливать существующие в обществе настроения задолго до того, как они будут систематизированы на языке науки и найдут отражение в историографии и культурологии (А. В. Предтеченский) (Цит. по: 8, 21).

Объективно три фактора придают литературно-художественному тексту статус источника социально-культурной информации: «уникальность экспрессивных способностей слова как основополагающего “атома” и первичного элемента текстового взаимодействия любого уровня (внелитературного или литературного); коммуникационная природа литературного текста; эволюция читательского опыта, способствующая “другому” прочтению “старых” текстов (новая социокультурная, прагматическая, эмоциональная ситуация)» (8, 22). Совершенно особое значение художественная литература имеет как источник информации о повседневной жизни своего времени.

Особый интерес к истокам духовности представляет обращение к наследию деятелей русской культуры конца XIX в. — первой половины XX в., оказавшихся по воле судьбы в эмиграции. Изучая их творчество, мы получаем ответ на вопрос, как можно достойно жить во времена, которые не предоставляют для этого условий: «Ни один народ в мире не имел такого бремени и такого задания, как русский народ. И ни один народ не вынес из таких испытаний и таких мук — такой силы, такой самобытности, такой духовной глубины» (4, 428). «Поразительная страна!.. — восклицал М. А. Осоргин. — Какое плодородие почвы и какая крепость духа потребовались, чтобы эта страна, вздрогнув и потряся весь мир, не надорвала себе сердца!» (10, 42).

Не вызывает сомнения исключительность значения русской литературы, литературы Серебряного века, привнесенной в результате трагического «исхода» в литературную и культурную ситуацию Европы, для становления новой европейской и российской культурной и философской парадигмы. Автобиографическая проза первой волны русской эмиграции — явление уникальное, потому что никогда ранее не возникал и никогда более не повторился такой комплекс социально-политических и культурно-исторических обстоятельств развития русской литературы.

Материал нашего исследования — глубокие лирико-философские автобиографические повествования писателей-эмигрантов первой волны, такие как «Жизнь Арсеньева» И. А. Бунина, «Путешествие Глеба» (четыре автобиографических романа — «Заря», «Тишина», «Юность», «Древо жизни») Б. К. Зайцева, «Другие берега» В. В. Набокова, «Времена» М. А. Осоргина, «Богомолье» и «Лето Господне» И. С. Шмелева. Как творческий итог осознания «пути жизни» — сложной и противоречивой судьбы поколения, они «выполнили одно из своих главных предназначений, став банком неотторжимых сокровищ и богатств общей, коллективной памяти» (11, 263).

При всем различии конкретных биографических обстоятельств и художественных систем в автобиографической прозе первой волны русской эмиграции обнаруживаются черты содержательной общности — главенствующие в сознании поколения незыблемые нравственно-ценностные ориентиры, обретенные в процессе внутреннего движения и изменения человека, смысл и значимость которых востребованы духовной ситуацией сегодняшнего времени, — инвариант, реализованный во множестве индивидуальных художественных вариантов, представленных конкретными литературными текстами.

Выбранные для рассмотрения писатели и тогда и теперь воспринимались и воспринимаются как представители старшего и младшего поколений. В основе такого устоявшегося разделения — не столько критерий возраста и реального жизненного опыта, сколько проблема отношения к художественной традиции. В корпусе литературоведческих исследований представлен широкий спектр суждений по этому поводу: от констатации глубокого конфликта между писателями двух поколений первой волны эмиграции до признания их общности, того, что при всем несходстве художественных миров «они полноправно принадлежат к родной стихии, более того, стали охранителями отечественной культуры» (В. М. Пискунов).

И действительно, тип авторского сознания, способы художественного мышления у каждого из рассматриваемых нами писателей, с одной стороны, неповторимо индивидуальны, уникальны и беспрецедентны; с другой — обладают общими, незыблемыми духовными константами, обусловленными принадлежностью к одной и той же эпохе, одной и той же стране; одной и той же ментальностью, становлением и формированием в одной и той же системе образования и воспитания, общностью личной и творческой судьбы.

Однако сейчас, по прошествии почти ста лет, мы воспринимаем их как представителей одной генерации, разделяя убеждение, что «великие художественные открытия рождаются не изолированно, не в замкнутой творческой лаборатории отдельного, пусть и гениального, писателя, а в результате взаимодействия своеобразных, даже взаимно несовместимых внутренних миров, взрыва творческой энергии, порожденной этим взаимодействием» (7, 136). «Ведь мы сами — *живые куски* нашей России; — писал И. А. Ильин, — ведь это ее кровь тоскует в нас и скорбит; ведь это *ее* дух молится в нас и поет, и думает, и мечтает о возрождении и ненавидит ее врагов... *она в нас*, она всегда *с нами*; мы слеплены из ее телесного и духовного материала, она *не может* оторваться от нас так же, как мы *не можем* оторваться от нее. И куда бы ни забросила нас судьба, в нашем лице дышит и молится, и поет, и пляшет, и любит стихия нашей Родины... Да, я оторван от родной *земли*, но не *от духа*, и не *от жизни*, и не *от святынь* моей Родины; и ничто и никогда не оторвет меня от них» (курсив автора. — Н. С., Н. П.) (5, 418–419).

Современные исследователи (Б. В. Аверин, А. В. Громова и др.) выделяют в русской автобиографической прозе две основные линии развития. Первая предлагает читателю «автобиографию-результат», когда автор сознательно анализирует свое прошлое, накладывая на него более позднее понимание прожитой жизни; к этой традиции принадлежит большинство автобиографических произведений XIX века. Вторая линия характеризуется «сосредоточенностью на самом процессе воспоминаний: писателей интересует и занимает не вспоминаемое прошлое как завершённый результат, застывшая в определенности форма, но само воспоминание как протекающий в сознании художника и на глазах читателя живой творческий процесс, который осуществляется вместе с созданием текста, а не предшествует ему» (12, 37). Опыт интерпретации показывает, что рассматриваемые нами произведения можно отнести именно к этой линии.

Более общей эмигрантской судьбе предшествовала самостоятельная до-революционная биография каждого из писателей. В силу этого в их автобиографических произведениях можно отчетливо увидеть разные грани российской действительности и жизнь различных слоев русского общества.

И. А. Бунин (1870–1953), как и его герой Алексей Арсеньев, принадлежал к роду «знатному, хотя и захудалому», к обедневшему русскому дворянству, жившему на скудные доходы в своих ветшавших имениях. Повествуя о

детстве и юности своего героя, т.е. о 70–80-х годах XIX века, И. А. Бунин пишет, что он «рос во времена величайшей русской силы и огромного сознания ее», восхищается настоящей русской жизнью, обильной, как нигде, законном порождении «исконного духа России, а Россия богаче, сильнее, праведней и славней всех стран в мире» (2, 54), говорит о гордости, с которой не одним только им повторялось восклицание И. С. Никитина: «Это ты, моя Русь державная!» — «почти с ужасом прозревая вдруг, над каким действительно необъятным царством всяческих стран, племен, народов, над какими несметными богатствами земли и силами жизни, “мирного и благоденственного жития”, висится русская корона» (2, 56).

С теми же высокими интонациями о своей «золотой» России повествует И. С. Шмелев (1873–1950) — горожанин, москвич, коренной обитатель Замоскворечья — Кадашевской слободы, выходец из торгово-промысловой среды, из семьи, отличавшейся истовой религиозностью, патриархальностью взглядов: «Я смотрю через золотистое хрустальное яичко... Все золотое, все: и люди золотые, и серые сараи золотые, и сад, и крыши, и видная хорошо скворешня... и небо золотое, и вся земля. И звон немолчный кажется золотым мне тоже, как и все вокруг»; «Широка Россия, — без весов, на глаз... Богато жили» (15, 339, 369).

Известно, что Б. К. Зайцев (1881–1972), как заметил еще Г. Струве, задумал «Путешествие Глеба» под впечатлением от «Жизни Арсеньева» И. А. Бунина (13, 103–104). Он родился в Орле, в обычной, не очень богатой дворянской семье, детство провел в имении под Калугой, на горных заводах, где служил его отец, Константин Николаевич (горный инженер, впоследствии директор Московского металлического завода Гужона, из дворян Симбирской губернии). В эмиграции талант Б. К. Зайцева, который уже был известен в дореволюционной России как писатель, раскрылся по-новому: в его произведениях появился духовный стержень, внутренний опыт, глубина — и еще одна ключевая тема: Русь Православная — та Русь, которая зародилась при крещении Руси, просияла во времена Сергия Радонежского и других великих русских подвижников, которая вопреки всем потрясениям продолжала жить. И своими произведениями Б. К. Зайцев доказывал непостижимую духовную высоту Руси и русского человека, способного на великий подвиг: «Если возможно счастье, видениерая на земле, — грядет оно лишь из России», «Да, велика Россия. Да, святая сила ей дана. Да, рядом с силой, истиной мы можем жить».

М. А. Осоргин (1878–1942) принадлежал к столбовому дворянству — очень старым великорусским дворянским семьям, значащимся в Бархатной книге, где род Ильиных (настоящая фамилия писателя) отнесен к потомству Рюрика. Он родился и вырос в провинциальном русском городе Перми, в семье А. Ф. Ильина — юриста, участника проведения судебной реформы Александра II. Это был замечательный, «фундаментально русский человек» из тех, какие ни в каком обществе не «водились и не будут водиться» в массе, с его старомодными, сверхъестественными по нынешним меркам благородством и порядочностью, собеседник королей и министров, первый председатель Союза журналистов России, известнейший писатель Серебряного века, «золотое перо» русской публицистики. М. А. Осоргин писал: «Россия была домовита, запаслива, богата», она «шире, моложе, свежее, сочнее и богаче своей престарелой соседки (Европы)»; «Громадна наша страна, и я понимаю европейцев, которые называют Сибирь русской колонией: им завидно, а Сибирь самая подлинная Россия, ее не оторвешь. И мы — люди большого роста, крепкие и здоровые, равно привыкшие к жаре и морозу. Если бы Россия не была из века в век деревянной и горючей, она задавила бы мир архитектурой и историей, как давит и смущает литературой и музыкой. Но ее настоящая история вся впереди» (10, 144, 92).

В. В. Набоков (1899–1977), который принадлежал к одной из богатых и сановных российских семей, осмыслил Россию как страну, указывающую путь к откровению, дающую исцеление от паралича воли и душевной смуты, став, таким образом, одним из мыслителей, утверждающих ее лидерство среди других стран. На материале XX века он показал ее двойственную природу — Россия-сад и Россия — северная страна (Зембля, Зоорландия, Эстотия), — избегнув национально-культурной спеси, побуждающей представлять свою страну как лучшую на свете. Он подчеркнул, что его «давнишнее расхождение с советской диктатурой никак не связано с имущественными вопросами. Презираю россиянина-зубра, ненавидящего коммунистов потому, что они, мол, украли у него деньжата и десятины. Моя тоска по родине лишь своеобразная гипертрофия тоски по утраченному детству», «Она впилась, эта тоска, в один небольшой уголок земли, и оторвать ее можно только с жизнью <...> но дайте мне, на любом материке, лес, поле и воздух, напоминающие Петербургскую губернию, и тогда душа вся перевертывается» (9, 169, 271).

Ни одно из этих автобиографических произведений нельзя назвать полномасштабной картиной эпохи — в этом смысле они несопоставимы, например, с тем, что в свое время сделал А. И. Герцен, который тоже был эмигрантом и создал свое мемуарно-автобиографическое произведение «Былое и думы» в эмиграции.

Причины этого заключаются не в масштабе личности, не только в том, что это были другие условия и другие мотивы, а в сути творческих задач и в отношении к истории. Цель А. И. Герцена заключалась в том, чтобы через «илиаду» человека обыкновенного (которого он рассматривал как некий итог социального и культурного развития человечества), через изображение событий собственной жизни проникнуть в подлинную суть исторического процесса, по-своему объяснить целое, всеобщее, развернуть «многоплановое произведение, в котором "личная драма" автора поднимается до уровня глубокого художественного познания его времени» (1, 168).

Писатели-эмигранты, автобиографические произведения которых находятся в центре нашего внимания, не были общественными или политическими деятелями (даже если и выступали как яркие, бескомпромиссные публицисты), и это был их сознательный выбор, определенный обстоятельствами личной биографии.

Цель их творчества заключалась в другом. Они разделяли убеждение о том, что «история души человеческой едва ли не любопытнее и не полезнее истории целого народа», и, как персоны с ярко выраженной духовностью, нравственностью, все время находившиеся в процессе самосотворения личности, в своей автобиографической прозе показали, как духовность, идущая из глубины, становится силой, образующей и поддерживающей личность в человеке.

Пристальное прочтение вершинных произведений автобиографической прозы приводит к обнаружению в художественных текстах столь разных писателей элементов поэтического и стилевого единства, таких как стремление реализовать в инобытии художественного текста («в заветной лире») доминирующие черты миропонимания поколения первой волны эмиграции, ностальгический комплекс, экзистенциальные и онтологические мотивы; гордость Россией, которую «потеряли», и боль за нее, стремление сохранить самое лучшее, что в ней было, в художественном слове, а также ответственность за судьбу русской культуры; желание разобраться в сути произошедшего; муже-

ственное принятие собственной судьбы, выпавшей на долю земной участи; необыкновенной красоты русский язык; сохранение традиций русской классической литературы; воплощение мировоззрения и миропонимания русского человека.

Трансформация повествовательных моделей автобиографической прозы русского зарубежья привела к созданию синкретического литературного жанра нового типа без изложения событий в дневниковой последовательности, без хронологически-последовательного описания возрастных ступеней, без установления строгих причинно-следственных связей между ними, без соблюдения иерархических отношений между субъектами повествования.

Множество вариантов жанровых определений, данных рассматриваемым произведениям, в сущности, не всегда являются академически строго выдержанными, и объясняются стремлением писателей найти собственные формы, чтобы в своей системе измерений максимально достоверно выразить себя. Л. Гинзбург писала, что «промежуточным жанрам, ускользавшим от канонов и правил, издавна присуща экспериментальная смелость и широта, непринужденное и интимное отношение к читателю» (3, 118) и что именно таким образом достигается определенный художественный эффект, так как это приводит к жанровому разнообразию, к способности синтезировать литературные формы, родовые свойства (особенности, черты, признаки) и достижения разных жанров.

Писатели-эмигранты общими усилиями создали гораздо более сложный, эклектичный жанр, потому что для описания и осмысления усложнившейся жизни потребовались иные подходы. Они характеризуются сосредоточенностью на самом процессе воспоминаний: писателей интересует и занимает не столько вспоминаемое прошлое как завершённый результат, застывшая в определенности форма, сколько само воспоминание как протекающий в сознании художника и на глазах читателя живой творческий процесс — «путь жизни», который осуществляется вместе с созданием текста, а не предшествует ему.

Внутренняя логика развития культурной ситуации в XX веке определила отношение к эстетической родословной, обусловила соотношение традиций и новаторства в литературе русской эмиграции. То, что было создано писателями-эмигрантами первой волны, с одной стороны, продолжает традицию русской классической литературы, ибо именно «верность традиционным началам национальной культуры дала литературе русского зарубежья силы не только

выжить, но и объединиться в осознании своей исторической миссии, в понимании стоящей перед ней задачи сохранения, сбережения национальной культурной традиции» (14, 352). А с другой стороны — это была иная литература, иная художественная система со своей поэтикой, эстетикой, своим художественным миром, которая не только смогла учесть достижения европейской литературы, но и, в свою очередь, оказала сильнейшее влияние на ее дальнейшее развитие.

Смена исторических и культурных эпох приводит к изменению художественного видения и пересмотру системы ценностей. Внимательное прочтение автобиографической прозы позволяет сделать вывод о неких незыблемых ценностях человеческой души, личной нравственности, семейного быта, народного характера, выстраивающихся в собственной, персональной иерархии в каждом конкретном произведении.

Это тщательно оберегаемая и отстаиваемая самооценочность: особенность и особость, неповторимость, непохожесть ни на кого; охраняемое и защищаемое право на одиночество в тех определенно очерченных границах внутреннего мира, в который никто не был вхож. Это требование и необходимость свободы для духовного развития и гармоничного существования личности. Это накапливание жизнестойкости — твердости, выносливости, мужества, упорства, самостоятельности, приверженности Божьему началу в мире. Это память и набиравание опыта, социализация через самоидентификацию.

Это благотворное влияние русской и мировой классической литературы как сокровищницы духовного опыта, художественность и творчество, дар, который развивался не просто по вдохновению, но с упорством и настойчивостью. Это внимание к корням и вековым устоям, основополагающим началам жизни, гордость родословной, ощущение родины, дома и семьи, родителей как первого космоса, определившего порядок мироустройства.

Это жизненное путешествие как движение вперед и вверх: работа души, рефлексия и переживания, рост, развитие, взросление, путь к Вере, которая проникает в отверстую душу ребенка через русское православное сознание, через силу материнской любви — «просто было иногда стыдно перед деревом, облаком, собакой, стыдно перед воздухом, так же бережно и свято несущим дурное слово, как и доброе» (В. В. Набоков), а потом и мужественное принятие всего, посылаемого Богом.

При этом ценность собственной жизни утверждалась через иные ценности, представлявшиеся более высокими, а именно через осознание великой

миссии хранения «священного огня», возвышенное стремление спасти и передать будущим поколениям истинную русскую литературу и русскую культуру, ощущение благородной миссии сохранения самих «вечных основ человеческого существования, не только в России, но и всюду пошатнувшихся» (И. А. Бунин) — миссии, с которой они вполне справились.

Живая, непогибшая Россия сияет со страниц автобиографической прозы писателей-эмигрантов. В. В. Лавров пишет: «Господи, как она, эта Россия, непохожа на ту, которую мы знаем по прежним бунинским произведениям! Мрак владел почти без остатка той Россией, прежней, — теперь свет струится от ее образа, воскрешенного гением поэта... Правда высшая сияет в “Жизни Арсеньева”»: тут запечатлен лик России не временный и искаженный, а вечный, метафизически просветленный. В соответствии со всем тоном изложения и Россия Арсеньева как бы одухотворена...» (6, 158).

Таким образом, «литературный текст, прочитанный исследователем на языке литературной культуры его производителей и/или потребителей в контексте избранной исследователем коммуникационной ситуации, обретает статус источника культурологической информации» (8, 22). Исторически и объективно принадлежат к первой волне русской эмиграции, И. А. Бунин, Б. К. Зайцев, В. В. Набоков, М. А. Осоргин, И. С. Шмелев в созданных ими художественных автобиографических произведениях не просто воспроизвели главные события своей жизни с ее уникальными эмоциональными переживаниями и мировоззренческими установками, но выразили духовный, нравственный опыт, типичный для своей генерации. Можно признать, что их автобиографические произведения, отражающие события большой и малой (частной) истории, для читательской аудитории стали источником исторических, социокультурных, нравственных представлений, обогащающих культурный тезаурус и способствующих формированию массового сознания.

ИСПОЛЬЗОВАННАЯ ЛИТЕРАТУРА

1. Барахов В. С. Жанр художественной автобиографии в историческом развитии // Славянские литературы: X Международный съезд славистов: София, сентябрь 1988: Доклады советской делегации. — М.: Наука, 1988. — С. 166–178.
2. Бунин И.А. Жизнь Арсеньева // Бунин И.А. Полное собрание сочинений. В 13 т. Т.5. — М.: Воскресенье, 2006.
3. Гинзбург Л. О психологической прозе. — М.: Intrada, 1999. — 415 с.
4. Ильин И.А. О русской идее; О России; Почему мы верим в Россию // Русская идея: Сборник произведений русских мыслителей. — М.: Айрис-Пресс, 2002. — С. 402–448.
5. Ильин И.А. Родина и мы // Литература русского зарубежья: антология. В 6 т. Т. 2. — М.: Книга, 1991. — С. 418–430.

6. Лавров В.В. Холодная осень: Иван Бунин в эмиграции 1920–1953 гг.: роман-хроника. — М.: Молодая гвардия, 1989. — 384 с.
7. Лихачев Д. С. Очерки по философии художественного творчества. — СПб.: Рус.-Балт. информац. центр БЛИЦ, 1996. — 159 с.
8. Манкевич И.А. Литературно-художественное наследие как источник культурологической информации // Обсерватория культуры. 2007. № 5. — С. 17–23.
9. Набоков В.В. Собрание сочинений. В 4 т. Т.4. — М.: Правда, 1990.
10. Осоргин М.А. Времена: автобиографическое повествование: романы. — М.: Современник, 1989. — 622 с.
11. Степанова Н. С. Феномен культурной памяти в автобиографической прозе первой волны русского зарубежья // Известия Юго-Западного государственного университета. 2013. № 6–1 (51). — С. 258–264.
12. Степанова Н. С. Художественный текст как форма инобытия писателя (на материале автобиографической прозы первой волны русской эмиграции) // Известия Юго-Западного государственного университета. Серия Лингвистика и педагогика. 2016. № 4 (21). — С. 31–41.
13. Струве Г. Русская литература в изгнании: опыт исторического обзора зарубежной литературы. — Нью Йорк: Изд-во им. Чехова, 1956. — 408 с.
14. Чагин А. И. Пути и лица. О русской литературе XX века. — М.: ИМЛИ РАН, 2008. — 600 с.
15. Шмелев, И.С. Лето Господне // Избранное. — М.: Правда, 1989. — С. 283–670.

REFERENCES

1. Barakhov V. S. *Slavyanskije literatury: X Mezhdunarodnyi s'ezd slavistov: Sofiya, sentyabr' 1988: Doklady sovetskoj delegatsii* (Slavic literature: X international Congress of Slavists: Sofia, September 1988, Reports of the Soviet delegation), Moscow: Nauka, 1988, pp. 166–178.
2. Bunin I.A. *Polnoe sobranie sochinenii* (Complete works), in 13 vol, vol.5, Moscow: Voskresen'e, 2006.
3. Ginzburg L. *O psikhologicheskoi proze* (About psychological prose), Moscow: Intrada, 1999, 415 p.
4. Il'in I.A. *Russkaya ideya: Sbornik proizvedenii russkikh myslitelei* (About Russian idea; About Russia; Why we believe in Russia), Moscow: Airis-Press, 2002, pp. 402–448.
5. Il'in I.A. *Literatura russkogo zarubezh'ya: antologiya* (Russian literature abroad: anthology), in 6 vol, vol. 2, Moscow: Kniga, 1991, pp. 418–430.
6. Lavrov V.V. *Kholodnaya osen': Ivan Bunin v emigratsii 1920–1953 gg.: roman-khronika* (Cold autumn: Ivan Bunin in emigration 1920–1953: a novel-chronicle), Moscow: Molodaya gvardiya, 1989, 384 pp.
7. Likhachev D. S. *Ocherki po filosofii khudozhestvennogo tvorchestva* (Essays on the philosophy of art), Saint-Petersburg: Rus.-Balt. informats. tsentr BLITs, 1996, 159 p.
8. Mankevich I.A. *Observatoriya kul'tury*, 2007, № 5, pp. 17–23.
9. Nabokov V.V. *Sobranie sochinenii* (Collected works), in 4 vol, vol 4, Moscow: Pravda, 1990.
10. Osorgin M.A. *Vremena: avtobiograficheskoe povestvovanie: romany* (Times: autobiographical narrative: novels), Moscow: Sovremennik, 1989, 622 p.
11. Stepanova N. S. *Izvestiya Yugo-Zapadnogo gosudarstvennogo universiteta*, 2013, № 6–1 (51), pp. 258–264.

12. Stepanova N. S. *Izvestiya Yugo-Zapadnogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya Lingvistika i pedagogika*, 2016, № 4 (21), pp. 31–41.
13. Struve G. *Russkaya literatura v izgnanii: opyt istoricheskogo obzora zarubezhnoi literatury* (Russian literature in exile: the experience of the historical review of foreign literature.), New York: Izd-vo im. Chekhova, 1956, 408 p.
14. Chagin A. I. *Puti i litsa. O russkoi literature XX veka* (Ways and faces. About Russian literature of the 20th century), Moscow: IMLI RAN, 2008, 600 p.
15. Shmelev, I.S. *Izbrannoe (select)*, Moscow: Pravda, 1989, pp. 283–670.